

Мария Кристина Торрти¹
María Cristina Tortti

**Цикл «новых левых» в недавней истории
Аргентины**
**The cycle of the new left in the recent
history of Argentina**
**El ciclo de la nueva izquierda en la historia
reciente de la Argentina**

Аннотация: Целью данной работы является анализ в наиболее общих чертах основных процессов, которые позволяют раскрыть возникновение, развитие и поражение движения социального протеста и политической радикализации в 1960-1970-е годы в Аргентине. Здесь, как и в предыдущих работах, мы прибегаем к концепции «новых левых» в отношении этого движения, которое, хотя и неоднородное и не имеющее общего направления, стало целостным явлением, поскольку, исходя из самых разных точек зрения, многочисленные действующие лица этого течения были едины в противостоянии ущербному политическому режиму и социальному порядку, который этот режим защищал. Данная работа направлена на исследование этого широкого спектра акторов - их проектов, целей и дискурсов – обращая особое внимание некоторым критическим ситуациям, и попытаюсь проанализировать процессы, посредством которых протест был объединен с растущей политизацией масс, которая дала основу наиболее радикальным её выражением: от

¹ Мария Кристина Торрти – Доктор истории, Национальный университет Ла-Платы, Аргентина, María Cristina Tortti – Doctor in history, Universidad Nacional de La Plata, Idihcs/Conicet. Argentina, Email: mctortti@gmail.com ORCID:0000-0003-3382-8122

контркультурных инициатив и обращения к классовости в рабочем движении, до вооруженной герильи. Анализируя динамику событий, будет определен момент подъема движения, а также его спад и поражение в 1976 г.

Ключевые слова: новые левые; новейшая история; протест; политизация; радикализация, Аргентина, герилья

Abstract: This paper aims at outlining the main processes that, in Argentina's recent past, may enable us to understand the emergence, development and eventual defeat of the social protest movement and the political radicalization of the period 1960-70s. Here, as in previous papers, we resort to the concept of new left to name the movement that, though heterogeneous and lacking a unified direction, became a major unit in deeds, for multiple actors coming from the most diverse angles coincided in opposing the vicious political regime and the social order it supported. Consequently, we shall try to reinstate the presence of such wide range of actors: their projects, objectives and speeches. Some critical circumstances shall be detailed and processes through which protests gradually amalgamated will be shown. Such extended politicization provided the frame for quite radical moves ranging from contracultural initiatives and the classism in the workers' movement to the actual action of guerrilla groups. Through the dynamics of the events themselves we shall locate the peak moments as well as those which paved the way for their closure and eventual defeat in 1976.

Keywords: new left; recent History; protest; politicization; radicalization, Argentina, guerrilla

Resumen: Este trabajo se propone exponer, en sus líneas más generales, los principales procesos que, en el pasado reciente de la Argentina, permiten comprender el surgimiento, desarrollo y derrota del movimiento de protesta social y radicalización política de los años sesenta y setenta del siglo pasado. Aquí, como en anteriores trabajos, recurrimos al concepto de nueva izquierda para nombrar a ese movimiento que, aunque heterogéneo y sin dirección unificada, adquirió considerable unidad en los hechos, toda vez que desde los más diversos ángulos múltiples actores coincidieron en oponerse al viciado régimen político y al orden social por él sostenido. En consecuencia, el trabajo buscará reponer la presencia de esa amplia variedad de actores - sus proyectos, objetivos y discursos-, se detendrá en algunas coyunturas críticas e intentará mostrar los procesos a través de los cuales la protesta

se fue amalgamando con una extendida politización que dio marco a las apuestas más radicales -desde las iniciativas contraculturales y el clasismo en el movimiento obrero, hasta el accionar de grupos guerrilleros. A través del seguimiento de la dinámica de los acontecimientos se procurará ubicar los momentos de auge del movimiento, y también aquellos que lo fueron conduciendo al cierre y posterior derrota en 1976.

Palabras clave: nueva izquierda; historia reciente; protesta; politización; radicalización, Argentina, guerrilla

DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-252-279

Недавняя истории «новых левых»

Данная статья ставит своей задачей попытаются раскрыть основные процессы, которые из недавнем прошлом Аргентины позволяют понять возникновение, развитие и поражение движения социального протеста и политической радикализации 60-70-х гг. В поисках объяснений этого явления часто поднимался вопрос о причинах, которые сделали возможной столь высокую степень мобилизации, или если посмотреть с другой стороны, каковы были причины такого низкого влияния институтов и методов «формальной» демократии. Один из способов начать отвечать на эти вопросы требует понимания, в качестве первого факта, растущей делигитимации государственной власти задолго до всплеска протеста и начала вооруженной борьбы. Падение авторитета государства началось в 1955 г. «Освободительной революцией» и продолжилось в последующие десятилетия из-за несовершенного функционирования политической системы, полностью подчиненной военным власти и действующей в рамках «возможной политики» с принятием проскрипции перонизма².

В историографии недавней истории Аргентины существует единодушие в том, что свержение правительства генерала Перона в 1955 г. стало началом длительного кризиса, который, в свою очередь, породил постоянную нестабильность и развал

² O'Donnell, 1972, p. 10-12.

политического сообщества³. Эта ситуация рассматривалась как результат «гегемонистического равновесия» внутри класса собственников, или как выражение невозможности достичь «стабилизации их политического господства»⁴. Карлос Альтамирано сформулировал эту ситуацию как перекресток выбора для вышеупомянутых секторов: с одной стороны, речь шла о модели, которая должна была заменить ущербную «перонистскую экономику», а с другой, существовала «проблема» перонистских масс, которые, хотя перонизм и был объявлен вне закона, упорствовали в своей политической приверженности свергнутому перонистскому режиму⁵. Как уже отмечалось, различные политические формулы пытались решить обе проблемы во время так называемых «условных демократий» и всегда нарушали «золотое правило», установленное Вооруженными силами и их гражданскими союзниками, состоящее в том, чтобы предотвратить возвращение перонизма к власти.

Можно утверждать, что именно сохранение таких условий позволило возникнуть широкому движению протеста, которое мы называем «новыми левыми», являвшихся одновременно социальным, политическим и культурным феноменом⁶. Цикл мобилизации, в котором они участвовали, включал в себя от широко распространенных забастовок до конкретных форм артикуляции между культурой, искусством и политикой, а также от городских восстаний повстанческого типа до откровенно революционных проектов. Именно эти особенности позволяют анализировать его с точки зрения движения, в той мере, в какой его развитие выходило за пределы цикла протеста, пока оно не достигло политических измерений, что, кроме определенного мо-

³ Cavarozzi, 1997, p. 32. В политике преобладают Вооруженные силы, так называемая «военная партия», -и перонистское профсоюзное движение, которое выступало в качестве корпоративного и политического представительства запрещенного перонизма.

⁴ O'Donnell, 1977, p. 523; Portantiero, 1977, p. 532.

⁵ Altamirano a, 2001, p. 50-54.

⁶ Tortti, 1999, p. 207-208.

мента, позволило ему двигаться вперед, бросая вызов существующему порядку и влияя на борьбу за власть.

Цикл мобилизации был процессом, в котором действовали различные силы, от широкого забастовочного движения до появления особых форм взаимодействия между культурой, искусством и политикой, от городских восстаний до революционных политических проектов. Именно эти особенности позволяют анализировать это движение в той мере, в которой его развитие выходило за пределы протеста, став политическим явлением, представлявшем вызов существующему порядку и претензией на борьбу за власть.

Это не означает, что среди его участников было единодушие в понимании своих интересов, но были общих подходы, и существовала тенденция действовать совместно⁷, а следовательно, создавать социально-политическое поле альтернативное существовавшему политическому миру, включая традиционных левых и перонизм. В духе «движения движений»⁸ новые аргентинские левые были результатом дискурсивного и практического слияния многочисленных групп, организаций и их опыта по мере того, как протест вызывал процессы политической субъективации, которые повлияли на реконфигурацию политических традиций и идентичностей.

Как отметил Мишель Добри⁹, когда мобилизации разворачиваются одновременно в разных слоях общества, даже если это происходит с разной скоростью, одновременность процессов способствует определенному размытию границ между мобилизованными секторами общества и создает каналы политизации, которые, по крайней мере в самом начале, ставят вопрос о государстве. Тем более, когда в ситуации, как в Аргентине в то время, складываются благоприятные условия для распространения и формулирования новых дискурсов, которые связывают неприятие несправедливости с освободительными идеалами и

⁷ Modonesi, 2010, 15 y 16; Berlin, 391.

⁸ Zolov, 2012, p. 1-4

⁹ Dobry, 1988.

ставят под сомнение обычные формы общественной и политической жизни¹⁰.

С другой стороны, мы считаем, что аргентинские новые левые, как и другие подобные движения, помимо того, что их следует рассматривать в определенных исторических обстоятельствах и в связи с региональными и транснациональными процессами, требуют, чтобы учитывались особенности политической культуры, в рамках которой они проявлялись. В этом контексте уместно учитывать национально-народный отпечаток аргентинской политической культуры, ставшей характеристикой страны после возникновения перонизма и снижения влияния левых партий в среде трудящихся¹¹. Возможно, в этой предвзятости кроется большая часть специфики явления в контексте «революционных волн», прокатившихся по Латинской Америке¹², а также объяснение их неоднородного характера, сочетающего как радикализацию левых сил, так и секторов перонизма или групп католических и националистических движений.

Стоит упомянуть, хотя бы вкратце, другую интерпретации феномена аргентинских новых левых, которая связывает его почти исключительно с темой политического насилия, с военно-политическими организациями, обильно появившихся с конца 60-х гг.¹³ На наш взгляд, ограничение широкого спектра новых левых только одним течением и одним периодом истории приводит к упрощению и редуccionистской трактовке явления: оно делает других акторов-течения невидимыми и оставляет скрытыми пути, по которым политичность протеста питала политизацию, которая, в свою очередь, сформировала

¹⁰ Angenot, 2010, p. 13-18.

¹¹ О происхождении и разногласиях между классовыми левыми партиями и «национально-народным» движением, популизмом, в Латинской Америке см.: Portantiero, 1978; Aricó, 1991. Оба автора считали, что исторический разрыв между «национальным вопросом» и «социальным вопросом» удалось преодолеть только после и под влиянием Кубинской революции.

¹² Marchesi, 2019, 6-19.

¹³ Hilb y Lutzky, 1984; Ollier, 1986; Vezzetti, 2009.

механизмы, которые привели к заметной радикализации политически активных граждан. Мы считаем, что, хотя новые левые включали в себя партии, провозглашавших вооруженную борьбу, но не сводились к ним.

Другая, альтернативная нашей точка зрения исходит исключительно из европейского влияния, отвергая все проявления новых левых, если это не было связано с европейским заимствованием идей, а в Аргентине это явление ограничивается группами, вышедшими из традиционных левых партий, социалистов, коммунистов или троцкистов, исключая левые течения в перонизме или католицизме¹⁴. В этом случае остаются вне поля зрения процессы и изменения, происходившие в популизме, и не принимается во внимание то, что в ключевой момент, когда военное правительство было вынуждено назначить выборы без исключения перонистов, главное течение народной мобилизации возглавляли левые перонисты с лозунгами, которые сочетали традиционные перонистские положения, как например, возвращение Перона в страну, с другими, которые говорили о «национальном социализме».

Наша трактовка новых левых не опирается на политико-доктринальные определения «левых» как таковых и не рассматривает вопрос, какая партия или группа могла бы лучше воплотить их принципы, а скорее принимает во внимание «место», позицию, в том противоречивом политическом поле, которое сложилось в рамках протеста, сочетавшего лозунги освободительного содержания и радикальные методы конфронтации.

Кризис, протест, недовольство

Чтобы лучше понять особенности и динамику протеста и конфликта, последовавшие за кризисом, начавшимся в 1955 г., помимо уже упомянутых общих элементов, необходимо учитывать изменения, произошедшие как на уровне рабочего класса, так и те, которые происходили в среднем классе, в частности, среди интеллигенции. Если для трудящихся эта дата означала

¹⁴ Califa, 2018, p. 115, 127; Mangiatini, 2018, p. 30.

запреты и репрессии, особенно в первые годы, то она также дала начала необычайной боевитости и высокой степени конфронтации с государством, что вошло в историю под именем «перонистского сопротивления»¹⁵.

Что касается среднего класса и интеллектуалов, то падение перонизма, то есть режима, против которого они выступали, означало начало интенсивной культурной модернизации, которой до тех пор препятствовала консервативная культурная политика перонистского правительства¹⁶. Но атмосфера обновления и восприятия «новых идей», которые включали в себя «служение» интеллигенции своему народу, поставили их в противоречивое положение по отношению к рабочим массам, которые не только боролись за свои классовые интересы, но и делали это, сохраняя верность своей перонистской идентичности. Если добавить к этому влияние неортодоксальной Кубинской революции, моральные метания и чувство «вины» перед народом, испытываемые этими интеллектуалами, трансформировались в растущую политизацию¹⁷.

Одно из следствий этого сложного процесса заключалось в известном недовольстве в двух важных «идеологических семьях»: левом лагере уже с конца пятидесятых, и в католическом лагере затем. Во-первых, возникшие интенсивные дебаты привели к тому, что были поставлены под сомнение способности лидеров и их политические предложения, а также звучали требования широкой дискуссии о линии политической борьбы. Резкая критика обрушилась на Социалистическую (PS) и Ком-

¹⁵ После десяти лет перонизма с его прочной связью рабочего движения с государством отсутствие защиты и удары реакции (запрет перонизма, «деперонизация») привели к конфронтации и к «пролетаризации» самого перонизма. См. классическую работу на эту тему – James, 1990.

¹⁶ Sigal., 2002, 483- 521, Автор излагает свою гипотезу о причинах, по которым интеллигенты всегда были анти-перонистами до того, как Перон стал президентом, и не из-за его социальной политики, а из-за симпатий к державам «оси» военного правительства, в которое он входил в 1943 г.

¹⁷ Terán, 1991, caps. 2 y 5.

мунистическую партии (РС) за их «неспособность» понять «перонистский феномен»¹⁸. Одна из этих дискуссий привела к появлению подхода к перонизму, который был назван «ревизионистским»¹⁹. Если до тех пор перонизм рассматривался в терминах «тоталитаризма» и «демагогии», то исходя из новой ситуации, он стал рассматриваться многими как национально-народное движение, которому в силу его рабочей базы приписывался революционный потенциал. Тогда под влиянием кубинской революции картина была дополнена полным разочарованием в «реформистской» стратегии²⁰. Обе партии (коммунистов и социалистов) вступили в длительный процесс потрясений и разрывов, в результате которого возникли новые организации, «революционного» характера. Среди партийной молодежи существовала уверенность в том, что история предлагает левым «новую возможность» сблизиться с рабочим классом, который после падения Перона они считали политически «доступным»²¹.

В PS в результате внутренних расколов в 1961 г. возникла Аргентинская социалистическая партия авангарда (PSAV), возможно, первая партия «новых левых»: ее короткая жизнь была отмечена интенсивным поиском взаимодействия с перонизмом²². В компартии дискуссии об «этапах» и «путях» революции, сдержанность руководства по отношению к Кубе и крити-

¹⁸ Tortti, 2002, p. 265-274.

¹⁹ Altamirano b, 1991, p. 49-79.

²⁰ Tortti, 2002, p.265-274.

²¹ Эту подход использовал Gino Germani, 1962, p. 185, увязывая процессы в перонизме с мобилизацией, чтобы объяснить происхождение перонизма и приверженность ему рабочего класса. Sigal, 1991, p. 147-149, проанализировал сближение и интеграцию интеллигенции и перонизма после 1955 г.

²² Tortti, 2009. Идея состоит в «хождении» к трудящимся, не требуя от них отказа от перонистской идентичности, помогая им создавать собственные революционные центры с перспективой восстания. Ставка делалась на некоторую форму политического единства между перонизмом и «обновленными левыми», как то предлагал журнал «Che». – Tortti, 2013.

ка догматизма привели партию к потере ядра своей молодежной организации: среди наиболее значительных следует отнести группу молодых интеллектуалов, которые создали журнал «Pasado y Presente» (Прошлое и настоящее), поставившего задачу начать дискуссии среди марксистов, предлагая новое прочтение национальной действительности, опираясь на идеи Антонио Грамши²³.

Обладая большей или меньшей теоретической глубиной, новые группы стремились разобраться с причинами, которые привели к союзу рабочего класса Аргентины, как и других зависимых стран с «популистскими» или «национально-народными» движениями, но не с левыми партиями, и с тем, каким был путь перехода от национально-народного к социалистическому содержанию. В этом смысле перонистская идентичность большинства рабочих стала рассматриваться как «момент», этап в развитии их сознания, этап корпоративно-политической унификации, но который можно было бы преодолеть в перспективе, которую предложила Куба для всей Латинской Америки²⁴.

В то же время в перонизме, точнее в его боевом крыле и в группах революционного перонизма, сформировалась линия обновления и переосмысления исторического опыта движения, на что оказали влияние Кубинская революция и новые группы левых. С точки зрения этого крыла перонизма, на новом этапе ему предстояло поднять антиимпериалистические лозунги и

²³Burgos, 2004; Tortti y Chama, 2006, p.232-254. На этом первом этапе, 1963-1965 гг., выделялись Хосе Арико, Хуан К. Портантьеро, Хорхе Тула и Эктор Шмуклер. Тогда к местным темам добавлялись дебаты внутри Международного коммунистического движения, влияние Кубинской революции, восхищение перед Итальянской компартией.

²⁴ Считалось, что на новом историческом этапе развития империализма не было более возможности удовлетворить интересы рабочего класса в рамках «популистского союза», сложившегося после 1945 г. под руководством Перона. Журнал «Pasado y Presente» разделял эту точку зрения с Эрнесто Геварой и с революционным перонистом Дж. В. Кооке, который к тому же был страстным поклонником Кубинской революции, поддерживал отношения с группами «новых левых». – Mazzeo, 2009.

идея социальной справедливости, которая теперь увязывалась с будущим социализмом. Эта позиция подразумевала критику профсоюзного и политического руководства движения, делающих ставку на пути и методы, направленные на постепенную реинтеграцию рабочего движения и самого перонизма в существующую «систему». Революционный перонизм рассматривал это «интеграционистское», реформистское и бюрократическое руководство как враждебное правое крыло движения²⁵.

Католические круги, особенно те сектора, которые были особо влиятельны в средних слоях, стали испытывать изменения, происшедшие после Второго Ватиканского Собора, в то время как активность мирян и духовенства вступала в конфликт с более консервативными группами. Молодые люди не только требовали большей автономии, но и более проявляли интерес к новым политическим идеям и с гуманистических и социал-христианских позиций начали сближение с левыми. В этом процессе произошло очень специфическое сочетание христианства и социализма, приведшее к тому, что их большая часть, миряне и священнослужители проходили политизацию и радикализацию через перонизм, ярким свидетельством чего был журнал «Cristianismo y Revolución», ставший базой одной из групп, в будущем создавших Монтонерос²⁶.

Несомненно, самым новаторским элементом этого обновления в «идеологических семьях» и первых групп «новых левых», появившихся в начале 60-х гг. внутри и вне перонизма, была идея, что социализм и перонизм могут сочетаться, через это слияние может возникнуть «собственный путь» революции в Аргентине. Связь этих трех концепций привела к серьезным изменениям как в традиционных доктринах левых, так и в перонизме: формула, даже если она содержала некоторую неопределенность, начала действовать как новое ядро смыслов в концептуальной и политической сфере в процессе реконфигу-

²⁵ Это крыло делало ставку на объединение и политическую реинтеграцию перонизма путем переговоров с властями при отказе от революционному пути для восстановления власти.

²⁶Lanusse, 2005; Touris, 2007; Campos, 2016.

рации и как ключевой компонент в построении новой политической рациональности²⁷.

Нет сомнений в том, что эта формула, корни которой уходили в период до Кубинской революции, была усилена её влиянием и восхищением перед ней. Однако следует отметить, что на этом первом этапе симпатии к Кубе и контакты с кубинцами в целом не привели к принятию партизанской модели революции, а скорее к созданию модели повстанческого типа, которая, не исключая возможности вооруженного пути, принимала во внимание особенности страны – городской и промышленно развитой, ее сильного и политизированного рабочего движения, на силу которого сторонники восстания делали ставку²⁸.

Это была преобладающая политическая линия до тех пор, пока обстоятельства не показали, что ожидаемое восстание перонизма все никак не происходило, а потом стало ясно, что оно не произойдет. Эта разочарование имело различные политические последствия: с одной стороны, некоторые группы новых левых решили напрямую обратиться к «классу» со своим проектом единения социализма и революцию, не упоминая политической приверженности перонизму у большинства рабочих. Из этих процессов родились марксистские и повстанческие организации, такие как Коммунистический авангард (*Vanguardia Comunista – VC*) или Революционная партия трудящихся (*Partido Revolucionario de los Trabajadores – (PRT)*)²⁹.

²⁷Rosanvallon, 2002, p. 123 -133. По мнению этого автора, именно система, которая формулирует идеи, убеждения, интерпретации, ценности и аффективное содержание, придала смысл проектам, через которые общество (или его часть) стремиться решить «проблемы» своего времени и места.

²⁸ Они были готовы использовать правовые или институциональные механизмы (забастовку, выборы), способствующие народной мобилизации и ведущей к восстанию. Так обстояло дело с вышеупомянутой PSAV, которая даже поддерживала перонизм в его цели возвращения Перона к власти.

²⁹ VC, вышедший из PSAV, к 1965 провозгласил себя маоистской партией – Tortti y Celentano, 2012; в тот же год возникла PRT из объединения троцкистской «Palabra Obrera» (Рабочее слово) и Народного

Другие политические круги, в том числе и отождествлявшие себя с перонизмом, с целью сломить сопротивление «режима» стали рассматривать реальность стратегии вооруженной борьбы. Так возникли FAP (Fuerzas Armadas Peronistas – Перонистские вооруженные силы) и группы, которые готовились присоединиться к Че Геваре в Боливии. Дело в том, что практически все вело к мысли, что необходимо построить прочный «авангард», военно-политическую организацию, или «классовую партию».

Когда в Гаване прошла конференция Триконтиненталя и OLAS (Organización Latinoamericana de Solidaridad – Латиноамериканская организация солидарности), в PRT усилились разногласия между фракциями «El Combatiente» и «La Verdad», в то время как в компартии начались процессы, приведшие к одному из крупнейших расколов в её рядах, когда была основана Революционная коммунистическая партия (PCR)³⁰.

Подъем мобилизации и рост «новой левой»

В середине 1966 г. новый военный переворот завершил этап «условной демократии», и правительство «аргентинской революции» установило в стране модель авторитарного бюрократического государства. Погруженный в атмосферу «холодной войны» и проникнутый духом «Доктрины национальной безопасности», этот проект претендовал на создание нового национального государства, его переоснование, чтобы ликвидировать те условия, которые привели к нестабильности и равновесию борющихся сил. Он претендовал на то, чтобы заложить основы «модернизации» и «развития» экономики, социально-

революционного индоамериканского фронта (Frente Revolucionario Indoamericano Popular – FRIP) – Carnovale, 2011.

³⁰ О конференции Триконтиненталя и OLAS, о распространении тезисов вооруженной борьбы и столкновениях с традиционными левыми партиями см.: Marchesi, 2019. К 1968 г. PRT разделилась на “El Combatiente” (затем ставшей PRT-ERP), и на PRT “La Verdad”, Carnovale, 2011. PCR, вышедшая из компартии, хотя и поддерживала Кубинскую революцию, выступала за подготовку восстания, а затем присоединилась к маоизму. – Siskindovich, 2020, p. 43-57.

политической перестройки страны с опорой на союз Вооруженных Сил и крупного национального и международного капитала³¹.

За короткое время последствия экономической «рационализации» и подавления всех форм политического представительства и деятельности профсоюзов, а также навязывание социально консервативного и враждебного отношения к миру культуры вызвали широкую оппозицию к этой политике и к порядку, который предлагало это правительство, не только как к несправедливому, но и как к анахроничному. В обстановке растущего народного недовольства речи и лозунги новых левых получили широкое распространение в обществе. Отвечая росту протестных настроений, эти группы стремились придать революционное направление антидиктаторскому движению, в то время как политизированные круги все более радикализировались. Хотя все новые левые разделяли цели «национального и социального освобождения», они сохраняли определенные расхождения, уже присутствовавшие в предыдущие годы. Одни ссылались на роль, приписываемую перонизму и Перону в революционном процессе, поскольку, если для одних Перон был революционным лидером третьего мира, то для других это был буржуазный лидер, которому не следует доверять.

Когда в мае 1969 г. произошло восстание в городе Кордова (кордобасо), начав период подъема мобилизации, которая в течение трех-четырёх лет охватила всю страну. Помимо аналогичных событий в других городах, росли забастовочное движение и студенческая агитация: все показывало усталость широких слоев общества от военного режима³².

³¹ Военное правительство предлагало новый тип государства, в котором были тесно связаны «безопасность» и «развитие», предлагалось провести реформу старой системы политических партий, которая привела к возникновению популизма – Portantiero, 1977, p. 542-547; O'Donnell, 1982.

³² События начались с забастовки и мобилизации, предпринятых профсоюзными лидерами Агустином Тоско (представитель левых), Атилио Лопесом и Эльпидио Торресом (перонисты). В ответ на полицейские репрессии начались беспорядки, в которые вовлекли

Вслед за шоком, вызванным кордобасо, восстанием во втором по величине промышленном городе страны, последовали и некоторые другие важные события: с одной стороны, в рабочем движении возникли «классовые» течения, особенно активные в промышленном поясе Кордовы, а с другой стороны, вышли в активную политику группы, которые вскоре станут крупнейшими военно-политическими организациями. По словам Хуана К. Торре, тогда родилась «новая оппозиция»³³.

Хотя рабочие наращивали свою боевитость уже за нескольких месяцев до «кордобасо», движимые «антибюрократическими» течениями, после восстания появились другие, которые не только почувствовали свою способность противостоять работодателям и некоторым профсоюзным лидерам, но и стали выдвигать «новые требования», относящиеся к «положению рабочих» и к «управлению фабриками», апеллировали к радикальным методам прямого действия таким, как занятие предприятий и захват заложников. Среди активистов и лидеров были представители всех групп «новых левых», в то время как впервые была поставлена под сомнение гегемония традиционного перонистского профсоюзного движения, казалось, что она была серьезно подорвана, что вызвало беспокойство как в правительстве, так и в ВКТ (CGT)³⁴.

Последующее развитие событий показало, что радикальность «классового» руководства отдаляет от него часть рабочих, и даже в других боевитых профсоюзах рабочие не разделяли радикального классизма, противостоящего вождизму и перонистским настроениям большинства. Все это, плюс дрязги

население всего города: студенты университета, школьники, торговцы, организации новых левых, компартии и других народных партий. Через два дня город был оккупирован войсками, а главные руководители были арестованы. – Brennan, 1996. Ничего подобного этому народному движению не происходило ни в г. Буэнос-Айрес, ни в его пригородах, где власть «профсоюзной бюрократии» была сильнее. – Ramírez, 2019.

³³ Torre, 1971, p. 32.

³⁴ Центр движения был на фабриках FIAT и IKA Renault – Brennan y Gordillo, 2008, cap.3.

между политическими группировками, благоприятствовало определенной изоляции радикальных лидеров, на которых, кроме того, обрушились репрессии³⁵.

С другой стороны, хотя к тому времени уже существовало несколько групп, которые определяли себя как военно-политические организации³⁶, между первым и вторым «кордобасо» (1971) возникли две группы, которые стали очень значимыми. Это сектор «El Combatiente» от расколовшейся PRT, который решил начать вооруженную борьбу и в 1970 г. создал Революционную армию народа Ejército Revolucionario del Pueblo (ERP). Ядро группы, FRIP, имело свои корни в боевых группах бедных северных районах страны, ориентирующихся на обще-континентальную революцию, латиноамериканизм и даже индоамериканизм, и испытавших большое влияние «геваризма» и вьетнамского опыта сопротивления³⁷.

Со своей стороны, перонистская организация Монтонерос впервые появилась в политике похищением и «казнью» генерала Педро Э. Арамбуру, символом военного переворота, свергнувший Перона, и последовавших за ним репрессий. Корни организации были в социал-католических кругах. В дополнение к тому, что первая их акция произвела такое шокирующее впечатление, они показали тем самым высокую степень политизации и радикализма в среде молодежи, которые стали ориентироваться на перонизм³⁸. Одним из последствий присутствия

³⁵ Их «революционный синдикализм» определили их отношение как к «реформистам» к лидерам кордобасо А. Тоско и А. Лопесу.

³⁶ Левые – FAL (Fuerzas Armadas de Liberación – Вооруженные силы освобождения); перонисты – FAP (Fuerzas Armadas Peronistas – Перонистские вооруженные силы), а «Descamisados» (Безрубашечники) были связаны с католическими кругами.

³⁷ См. сноску 29. PRT – ERP была очень активной организацией, она отличалась своими атаками на военные объекты. В рамках «новых левых» эта группа вела дискуссию с FAR (Fuerzas Armadas Revolucionarias – Революционные вооруженные силы), двигались к перонизму слева. – González Canosa, 2021, cap. 4.

³⁸ Gillespie, 1987, cap. 2; ver nota 25. Одной из черт монтонерос была их враждебность к профсоюзным лидерам или политикам,

этих новых секторов среднего класса было социальное и политическое усложнение рядов перонизма, углубив уже существовавшие различия между его левым и правым секторами. Более того, их присутствие побудило самого Перона обновить свой дискурс, привнося в него такие понятия, как «национальный социализм», заявив о поддержке вооруженных групп, которые признавали его лидером.

Обе организации, как и другие уже существующие, были особенно активны в период между 1971 и 1973 гг., когда в общей атмосфере протеста и борьбы с диктатурой их действия были восприняты с сочувствием значительными слоями населения³⁹. В этой связи следует помнить, что характерной чертой некоторых из этих революционных организаций (вооруженных или нет) являлось то, что они вышли из групп, связанных с профсоюзным движением, университетом, районом, которое с определенного момента переживало процесс заметной радикализации⁴⁰. Кроме того, хотя значительное число активистов впоследствии вступило в эти организации, которые делали акцент на развитие вооруженных действий, они никогда не отказывались от политики создания «массовых фронтов» в универ-

считавшихся «предателями», и к военным лидерам, обвиняемым в репрессиях и пытках. Их престиж среди перонистов позволил им стать объединителем многочисленных политических, местных-локальных, профсоюзных и культурных групп, объединив их в так называемую Революционную тенденцию (TR – Tendencia Revolucionaria), порой поглощая некоторые группы, как например, «Descamisados», FAP, FAR.

³⁹ O'Donnell, 1982, p. 463-466. Автор предлагает данные опроса фирмы IPSA S.A. в 1971 и 1972 гг.: 45,5% (Буэнос-Айрес) – 53 % (Кордова) опрошенных оправдывали акции насилия.

⁴⁰ Корни монтонерос были в католической среде, они были связаны с Движением священников для Третьего мира. PRT-ERP с момента своего появления еще под именем FRIP действовала в провинциях Сантьяго-дель-Эстеро и Тукумане среди работников сахарных заводов и рубщиков тростника. FAP родились из профсоюзной среды, из первых перонистских революционных групп.

ситетах, в районных ассоциациях, в культурных или профессиональных группах, в аграрных лигах, профсоюзах.

Те, кто присоединился к перонизму, ориентировались на TR (Революционную тенденцию) и на Перонистскую молодежь (Juventud Peronista – JP), которые постепенно полностью контролировались монтонерос⁴¹. Со своей стороны, PRT-ERP создала группы на производстве, стала работать в профсоюзах, создала Массовое профсоюзное движение (Movimiento Sindical de Base) и Антиимпериалистический фронт работников культуры, а к 1972-1973 гг. Антиимпериалистический фронт за социализм (Frente Antiimperialista y por el Socialismo – FAS), в который вошло сгруппировано значительное число общественных организаций и политических групп, включая некоторые диссидентские перонистские⁴².

Возможно, следует еще раз отметить, что несмотря на свое серьезное укрепление, военно-политические организации не исчерпали все формы борьбы и не заняли все пространство новых левых, ни доминировали в рядах оппозиции диктатуре. В этом сочетании антидиктаторского и антисистемного содержания к ним примыкали другие революционные организации, такие как VC или PCR, которые были сформированы как марксистские партии и выступали за стратегию повстанческого типа и большей работы в рабочем движении⁴³. С другой стороны, следует помнить, что пространство новых левых было заполнено присутствием очень активных политико-интеллектуальных групп, прежде всего, интеллектуалов, изданий журналов. Последние, не являясь официальными рупорами партий и групп, играли важную роль в идейно-политической борьбе и в форму-

⁴¹ Lorenz, 2007; Robles, 2014; Dip, 2017.

⁴² Pozzi, 2015, p. 108-128; Stavale, 2019. FAS были распропагандированы журналом «Nuevo Hombre». О связях PRT-ERP с революционными организациями соседних стран см.: Marchesi, 2019.

⁴³ Упомянутые организации были активными участниками кордобасо и проводниками линии «классового» синдикализма, наряду с PRT La Verdad и другие.

лировании новых концепций и теоретических основ движения⁴⁴.

Так или иначе, менее чем за два года прошедшие после первого кордобасо до второго кордобасо в 1971 г., страна вошла в состояние всеобщего недовольства и конфликта. В ходе настоящего «органического кризиса»⁴⁵ и давления общества на государство военное правительство стало готовить свое отступление. С этой целью генерал Лануссе призвал все политические силы, в том числе и самого Перона, заключить Великое национальное согласие (Gran Acuerdo Nacional – GAN), которое позволило бы перонизму вновь войти в легальную политическую жизнь и избежать опасного слияния социального протеста и революционных действий⁴⁶.

К концу цикла

Перед лицом массовой оппозиции режим удивила всех стратегическим «маневром»⁴⁷, впервые с 1955 г. создав выборы без запрета перонизма. Таким образом, разрешив участие перонизма в выборах, президент Лануссе попытался решить разом вопрос «55» и «69» годов, то есть вернуть Перону законное место в политике и восстановить государственную власть, находящуюся под угрозой «новой оппозиции», созданной «кордобасо». Первоначально все новые левые отвергли «маневр» правитель-

⁴⁴ Среди самых известных журналов этого периода выделяются «Cristianismo y Revolución» (1966-1972), «Antropología del Tercer Mundo» (1968-1973), «Envido» (1970-1973), близкий перонизму «Nuevo Hombre» (1971-1974), близкий PRT-ERP «Los Libros» (1969-1976); близкий VC и PCR «Pasado y Presente», все поддерживали революционный перонизм, особенно FAR.

⁴⁵ Portantiero, 1977, p.560.

⁴⁶ В период военного правления сменились три президента: Онгания, который был свергнут в 1970 г. после убийства Арамбуру, его сменил Левингстон, смещенный после второго «кордобасо», в котором было ощутимым присутствие «классовых» профсоюзов и вооруженные группы, в частности ERP.

⁴⁷ Dobry, 1988, cap.3.

ства как «ловушку», призванную отвлечь народное движение, вернув его в «либерально-буржуазное» русло закона, а вооруженные организации объявили, что не прекратят борьбу⁴⁸.

«Маневр» был осуществлен, и ко всеобщему удивлению все увидели, что логика процесса стала меняться. С этого момента главное действующее политическое лицо, генерал Перон, ясно дал понять о своей готовности участвовать в выборах⁴⁹. В то время как часть новых левых упорствовала в фронтальной противостоянии под лозунгом «ни переворот, ни выборы, а революция», лозунг, рожденный в «классовом» профдвижении, а сектор, который считал себя перонистским, особенно монтонерос и ТР, искал способ сочетать свою стратегию с политикой лидера и настроениями народных масс, которые с 1955 г. требовали прекращения запрета перонизма. В этом направлении в 1972 г. главный «массовый фронт» – Juventud Peronista – организовал массовую кампанию за возвращение Перона под лозунгом «Сражайся и возвращайся»⁵⁰.

Не без колебаний Монтонерос и все организации ТР поставили задачу принять лозунг, сочетающий элементы революционного дискурса с участием в будущих выборах. Таким образом, им удалось возглавить большую часть оппозиционного

⁴⁸ Хотя для всех демократия была не чем иным как «маской», скрывающей отношения эксплуатации-господства, перонисты добавили другие причины для конфронтации: одни говорили, что военное правительство попытается превратить перонизм в «обычную системную партию», а другие намекали на возможность того, что перонистский триумф на выборах будет аннулирован (как это было ранее).

⁴⁹ Затем Перон ускорил строительство электорального фронта, Хустисиалистского фронта освобождения (Frejuli), в котором помимо перонизма участвовали «десарролисты», христианские демократы и народные консерваторы.

⁵⁰ Во время кампании наблюдался значительный рост монтонерос и ТР при нарастающей дискредитации правительства, которое ввело положения, препятствующие выдвижению кандидатуры Перона. Кроме того, власти безуспешно пытались побудить Перона осудить вооруженные группировки.

движения, противостоящего диктатуре на последнем отрезке правления военных, а также усилить свои позиции внутри перонистского движения в битве за выдвижение кандидатур. Перон, со своей стороны, не имея возможности баллотироваться в качестве кандидата, назначил близкого к TR Эктора Х. Кампору кандидатом на пост президента страны, предпочитая его традиционным профсоюзным лидерам. В этом контексте можно понять два наиболее известных лозунга, разработанных монтонерос для предвыборной кампании: «Кампора в правительство, Перон к власти» и «Править значит мобилизовать». В типичной битве за определение направления и контроля над продолжающейся мобилизацией масс оба стремились придать тактический характер этим выборам и в целом «буржуазной демократии» в рамках стратегии построения «национального социализма»⁵¹.

Большая часть мобилизации была переориентирована на политические цели, чтобы добиться победы Хустисиалистского фронта национального освобождения (Frente Justicialista de Liberación Nacional – FREJULI). Монтонерос не только занимали доминирующее место в политике, что было видно по улице, но и сумели объединить политические и военно-политические организации, которые совершили эволюцию из лагеря традиционных левых в сторону перонизма, как например, FAR и группы, которые, подобно интеллектуалам «Pasado y Presente», не сливаясь с перонизмом, публично поддерживали его на выборах, будучи убежденными, что с его победой начнется «долгий путь к социализму»⁵². Эти левые интеллектуалы помимо поддержки предложили лозунг: «единственное классовое голосование — это голосование за FREJULI». С одной стороны, они утверждали, что в Аргентине «рабочий вопрос» и «перонистский вопрос» не могут быть отделены друг от друга, как это должно было формулироваться с «классовых» позиций, так как опыт перонизма был этапом в развитии самосознания аргентинского рабочего класса, который теперь мог сделать качественный скачок вперед. С другой стороны, поддержка революцион-

⁵¹ Gonzáles, 1973, p. 6-15.

⁵² Pasado y Presente n° 1, p. 3-30, у p. 141-144, abril-junio 1973,

ного перонизма и FREJULI была признанием «нового взаимодействия», способствовавшего существованию революционного течения внутри перонизма⁵³.

Никто не скрывал, что GAN имеет целью положить конец социальной мобилизации: именно на это указал президент Лануссе, когда призывал к разрешению конфликтов между «противниками» при изоляции «врагов». На фоне жесткой словесной и политической дуэли, которая характеризовала отношения между двумя генералами (Лануссе и Пероном) в течение месяцев, предшествовавших выборам, было ясно, что ожидания президента Лануссе могли опираться только на расчёт, что авторитет Перона сможет укротить новых левых, и главное, вооруженные групп, которые его поддерживали⁵⁴. А эти группы считали, что у них достаточно сил, чтобы повлиять на ориентацию нового правительства и сделать так, чтобы идея «социалистической родины» восторжествовала над идеей «перонистской родины», постулируемой профсоюзным руководством.

Уход диктатуры и приход к власти Кампоры в мае 1973 г. проходили в обстановке настоящей народной эйфорией, а вооруженные организации новых левых, несмотря на свои разногласия, прервали свои вооруженные акции, но не сложили оружия⁵⁵. Монтонерос и TR находились вокруг президента и получили важные места в администрации, особенно в области культуры и в университетах, в частности, в Университете Буэнос-Айреса, а также в некоторых провинциях, в которых победили близкие им кандидаты, среди них Буэнос-Айрес и Кордова. Однако момент истины наступил очень скоро после кровавых событий во время возвращения Перона в страну, за которыми последовала его критика молодежи и левых секторов и поддержка

⁵³ Pasado y Presente n° 2, p. 179-215, julio –diciembre 1973.

⁵⁴ Это было понятно из заявлений Лануссе в прессе – Lanusse, 1977.

⁵⁵ Кампора – Солано Лима получили почти 50%. После этой победы ERP объявила о «перемирии» с новым правительством, признав его демократическую легитимность. С другой стороны, тема отношения к выборам и перонизму стала причиной дебатов и раскола в PRT-ERP и в FAL.

профсоюзного руководства. Вскоре после этого Кампора уйдет с поста президента, чтобы провести новые выборы с участием Перона. Тогда стал очевидным разрыв между ожиданиями революционных групп перонизма и проектом «интегрированной демократии», который Перон собирался реализовывать, а также между планами последнего и намерениями монтонерос разделить с ним лидерство в движении⁵⁶.

За этим последовал открытый конфликт между перонистскими левыми и правыми, а также перенос этого противостояния в сферу государственной власти. Избранный президентом в сентябре 1973 г., Перон выступил с принципами, которые противоречили идеям левых в перонистском движении. Чтобы утвердить свое влияние и власть, монтонерос возобновили вооруженные акции, хотя и не признавали это публично: самым громким было убийство генерального секретаря CGT Хосе И. Руччи, что поразило Перона, через два дня после того, как он одержал победу на выборах с более чем 60% голосов. Несколько месяцев спустя PRT-ERP провела нападение на воинскую часть в городе Асуль, а затем создала «сельский фронт» как бы «освобожденной зоны» в провинции Тукуман. Ухудшение ситуации стало необратимым, когда президент Перон начал сведение счетов, что затронуло чиновников из TR и губернаторов, которые были близки к нему, а также левых в целом. Это также породило ряд ограничительных и репрессивных мер, направленных на дисциплинирование всего перонистского движения, против тех, кто ставил под сомнение действия правительства⁵⁷.

⁵⁶ Перон понимал под «национальным социализмом» нечто отличное от взгляда монтонерос. Для него речь шла о возрождении старых лозунгов движения (знамен движения) – социальная справедливость, экономическая независимость, политический суверенитет, что предполагало создание правительства на основе социально-экономических договоров в духе европейской социал-демократии, которые имели целью взаимные обязательства: партии признавали его легитимность, а он будет уважать принципы плюрализма и демократии. – Amaral, 1993, p. 259-280; Svampa, 2003, 402-409.

⁵⁷ Появился секретный документ, призывавший провести идеологическую чистку движения. После атаки на Асуль была начата реформа

Тип конфронтации, который начался как «гражданская война внутри перонизма»⁵⁸, включал в себя парагосударственные репрессии и начало реального цикла насилия, который был еще одним шагом в уничтожении мобилизации и роли новых левых в политике. Политические и общественные организации и не только вооруженные, которые играли центральную роль в борьбе против диктатуры, должны были перейти к обороне.

Решение вооруженных организаций возобновить свои акции в условиях конституционного правительства привело к тому, что они потеряли часть симпатий среди населения, завоеванных во время военного режима. Это было особенно тяжелой потерей для монтонерос, которые в значительной степени построили свою легитимность на признании лидерства Перона, с которым они пошли на конфронтацию, а затем и на разрыв. Эти решения были трудны для понимания значительной части перонистов, ориентировавшихся на «массовые фронты» и на TR, что повлияло не только на связь организации со своей базой, но и привело к подрыву ее единства⁵⁹.

Со смертью Перона и вступлением на пост президента его вдовы ситуация еще более ухудшилась. Помимо осадного положения она решила ввести армию во внутренний конфликт в рамках операции «Независимость», направленной на «уничтожение» «подрывных» сил, действовавших в провинции Туку-

уголовного кодекса с ужесточением наказаний. Губернаторы, близкие к TR, были вынуждены уйти в отставку, как например, О. Бидегайн в провинции Буэнос-Айрес и Р. Обрегон Кано и А. Лопес (один из лидеров кордобасо в Кордове). Параллельно исполнительная власть совершила интервенцию в Университета, приостановив их автономию.

⁵⁸ Pasado y Presente. № 2, julio –diciembre 1973. p. 179-215. Здесь содержится критика тех сил, которые как PRT-ERP перед лицом враждебного наступления предлагали «революционное единство», что реально означало призыв к выходу монтонерос из перонистского движения.

⁵⁹ Столкнувшись с дилеммой, значительная часть «массовых фронтов» и часть самих монтонерос решили пойти за Пероном и дистанцироваться от руководства монтонерос, создав «JP Lealtad».

ман, то есть PRT-ERP⁶⁰. Однако надо сказать, что даже в этих условиях в течение 1975 г. произошли значительные трудовые конфликты, организованные «Coordinadoras Interfabriles», в которых важную роль сыграли группы и лидеры, связанные с новыми левыми и в целом с боевыми течениями, которые действовали в рабочем движении⁶¹. В любом случае процесс уже был необратимым: эскалация репрессий смогла разгромить левый лагерь, задача, выполнение которой завершил военный переворот марта 1976 г., умножив число «пропавших без вести», заключенных в тюрьму и высланных из страны, что стало концом процесса общественной мобилизации, начатого двадцать лет до того.

С тех пор, в постоянном пересечении истории и памяти аргентинское общество размышляет о событиях тех лет. Вопрос о «поражении», «ошибке» или «ответственности» действующих лиц является источником бесконечных дебатов⁶². Речь шла о том, что, как писал Энцо Траверсо, это был опыт, в котором было не только поражение, но и «сомнение» в идеях⁶³.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Altamirano C.* Bajo el signo de las masas (1943-1973). Buenos Aires: Ariel, 2001a.
Altamirano C. Peronismo y cultura de izquierda. Buenos Aires: Temas, 2001b.

⁶⁰ Franco, 2012, p. 112-167. Несколько авторов и официальные документы фиксируют существование тайных центров содержания под стражей и пыток в Тукумане. Несмотря на репрессии, PRT-ERP увеличила число своих боевиков в течение 1975 г. Но в декабре того же года они осуществили свою последнюю крупную вооруженную акцию — нападение на армейский арсенал, расположенный в городе Монте-Чинголо, в Большом Буэнос-Айресе, с катастрофическими результатами.

⁶¹ Lobbe, 2009.

⁶² Ранний анализ был проведен журналом *Controversia* (1979-1981) — Tortti, 2018, p.169-198.

⁶³ Traverso, 2011, p. 11-31.

- Amaral S.* Del exilio al poder: la legitimidad recobrada//Amaral S. y Ben Plotkin M. Perón del exilio al poder. Buenos Aires: Eduntrf, 2004.
- Angenot M.* El discurso social. Buenos Aires: Siglo XXI, 2010.
- Aricó J.* Raíces del populismo y la izquierda en el continente. 1917 y América Latina // La Ciudad Futura, n° 18. 1991
- Berlin I.* Pensadores rusos. México: Fondo de Cultura Económica, 2013.
- Brennan J.* El Cordobazo. Buenos Aires: Sudamericana, 1996.
- Burgos R.* Los gramscianos argentinos. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004.
- Califa S.* Los estudiantes argentinos y la “nueva izquierda”// Cuadernos de Historia, n° 21, 2018.
- Camarero H., Mangiatini M.* Las izquierdas ante el Cordobazo: posiciones, debates y reorientaciones// Aletheia, n° 18, 2019.
- Campos E.* Cristianismo y revolución. El origen de Montoneros. Buenos Aires: Edhasa, 2016.
- Carnovale V.* Los combatientes. Buenos Aires: Siglo XXI, 2011.
- Dip N.* Libros y alpargatas. Rosario: Prohistoria, 2017.
- Dobry M.* Sociología de las crisis políticas. Barcelona: Siglo XXI, 1988.
- Franco M.* Un enemigo para la nación. Buenos Aires: Fondo Cultura Económica, 2012.
- Germani G.* Política y sociedad en una época de transición. Buenos Aires: Paidós, 1962.
- González H.* La respuesta peronista a las elecciones trampa // Envido, n° 8, 1973.
- González Canosa M.* Los futuros del pasado. Marxismo, peronismo y revolución: una historia de las FAR. Buenos Aires: Prometeo, 2021.
- Hilb C., Lutzky D.* La nueva izquierda argentina: 1960-1980. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- James D.* Resistencia e integración. El peronismo y la clase obrera argentina. Buenos Aires: Sudamericana, 1991
- Lanusse A.* Mi testimonio. Buenos Aires: Laserre, 1977.
- Lanusse L.* Montoneros y el mito de sus doce fundadores. Buenos Aires: Vergara, 2005.

- Lobbe H.* La guerrilla fabril. Buenos Aires: Ediciones r y r, 2009.
- Lorenz F.* Los zapatos de Carlito. Buenos Aires: Norma, 2007.
- Mangiatini M.* La “nueva izquierda” en la Argentina. Claves y discusiones alrededor del concepto”//Astrolabio, n° 21, 2018.
- Marchesi A.* Hacer la revolución. Buenos Aires: Siglo XXI, 2019.
- Mazzeo M.* Cooke, de vuelta. Buenos Aires: La Rosa Blindada, 2009.
- Modonesi M.* Subalternidad, antagonismo y autonomía. Marxismo y subjetivación política. Buenos Aires: Clacso, 2010.
- O’Donnell G.* Modernización y autoritarismo. Buenos Aires: Paidós, 1972.
- O’Donnell G.* Estado y alianzas en la Argentina, 1956-1976 // Desarrollo Económico, vol. 16, n° 64, 1977. Buenos Aires, p. 523.
- O’Donnell G.* El Estado Burocrático Autoritario. Buenos Aires: Editorial de Belgrano, 1982.
- Ollier M.* El fenómeno insurreccional y la cultura política, 1969-1973. Buenos Aires: CEAL, 1986.
- Portantiero J. C.* Economía y política en la crisis argentina: 1958-1973// Revista Mexicana de Sociología, n° 2, 1977.
- Portantiero J. C.* Estudiantes y política en América Latina. México D.F.: Siglo XXI, 1978;
- Pozzi P.* La izquierda argentina y las masas: el ERP y su inserción// Tiempo y Argumento, n° 16, 2015.
- Ramírez A.* A 50 años del Cordobazo...Pensando las “puebladas” en la Argentina de los 70// Aletheia, n°18, 2019.
- Robles H.* La retaguardia revolucionaria. Las unidades básicas controladas por la Juventud Peronista y Montoneros en los barrios populares de la ciudad de la Plata, 1972-1975//Tortti M. C., Chama M. y Celentano A. La nueva izquierda argentina (1955-1976). Rosario: Prohistoria, 2014.
- Rosanvallón P.* Por una historia conceptual de lo político// Prismas, n° 6, 2002.
- Siskindovich S.* El PCR y VC: la delimitación del PC y la construcción de un corpus teórico-político (1965-1969). Santiago: Ariadna, 2020.

- Stavale S.* Perros en las fábricas: la política sindical y la experiencia de sus militantes en fábricas del Gran Buenos Aires, 1973-1976 (tesis de doctorado): <https://memoria.fahce.unlp.edu.ar>
- Svampa M.* El populismo imposible y sus actores, 1973-1976// James D. Violencia, proscripción y autoritarismo (1955-1976). Buenos Aires: Sudamericana, 2003.
- Terán O.* Nuestros años sesentas. Buenos Aires: Puntosur, 1991.
- Tortti M. C.* Protesta social y nueva izquierda en la Argentina del Gran Acuerdo Nacional// Pucciarelli A. La primacía de la política. Buenos Aires: Eudeba. 1999.
- Tortti M. C.* Debates y rupturas en los partidos Comunista y Socialista durante el frondizismo// Prismas, n° 6, 2002.
- Tortti M. C., Chama M.* Los nudos político-intelectuales de una trayectoria. Entrevista a Juan C. Portantiero // Cuestiones de Sociología, n° 3, 2006.
- Tortti M. C.* El “viejo” Partido Socialista y los orígenes de la “nueva” izquierda. Buenos Aires: Prometeo, 2009.
- Tortti M. C., Celentano A.* La renovación socialista en los sesenta, la cuestión del peronismo y la formación de los primeros grupos maoístas// Polhis, n° 10, 2012.
- Tortti M.C.* Che. Una revista de la nueva izquierda. Buenos Aires: Cedinci, 2013
- Tortti M. C.* “Voces en Controversia”: la revisión de la experiencia revolucionaria argentina en la revista mexicana (1979-1981)// Revista de Historia Social y las mentalidades, n° 2, 2018.
- Touris C.* Tensiones en el campo católico. La cuestión del peronismo después de 1955// Anuario IEHS, vol. 22, 2007.
- Traveso E.* La historia como campo de batalla. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2011.
- Vezzetti H.* Sobre la violencia revolucionaria. Buenos Aires: Siglo XXI, 2009.
- Zolov E.* Expandiendo nuestros horizontes conceptuales. El pasaje de una “vieja” a una “nueva” izquierda en América Latina en los años sesenta // Aletheia, n° 2, 2012.